

№ 212 (307) Суббота-Воскресенье, 11/12 сентября 1943 г. Цена 50 коп.

ЗА РОДИНУ

Газета

Когда смотришь на газету со стороны, то все кажется так легко и просто. Когда ее открываешь — все ясно. Вот — передовая статья, там корреспонденция, а там хроника, фельетон, рецензия. И только опытные знают, что все это и сложно и подтвично. Перед выходом газеты в редакцию всегда идет напряженная и нервная суeta, звонят телефоны, летают рукописи, стучат машинки. Непосвященному человеку может иногда показаться, что номер не выйдет, потому что многого еще не хватает. Не готова нужная статья, вышла задержка с клипше, сверстанному полюсу надо спешно переверстывать и тому подобное. Но потом вдруг оказывается, что все на месте, газета, как всегда, вышла, и тогда человек начинает понимать, каким образом из хаоса мог содаться мир.

Газета важнейшее из созданий человека, требующее напряженной заботы. Тривога начинается с раннего утра и кончается поздно вечером, а иногда даже и ночью. И на другой день эта суматоха начинается с начала. Шаг за шагом, день за днем люди пера идут по этому пути, поднимая роет газеты, пока, наконец, не добиваются ожидаемых результатов.

Преимущество газеты перед книгой в том, что она говорит для всех понятным языком и высказывается как бы хором, свое направление формулируя множественным числом. На первом плане она должна иметь постоянство основного убеждения. Поэтому она обладает огромной властью и оказывает на массы такое же действие, как и равномерно падающие капли на камень. Газета бьет в одну цель, сдвигая одну основную идею и читатель ее усваивает, как неоспоримую истину. Сейчас, когда идет грандиозная борьба и объединенные народы стоят перед великой целью — освобождение от красного ига, все мысля, чувства и воля должны быть направлены в одну и все другие голоса, расчеты и выкладки должны уложиться в отодвинуться, как несвоевременное и второстепенное. Одно напряженное волеустремление — вот, что должно объединять всех. Казалось бы, это так ясно. Но не все это, к сожалению, понимают и потому газета в наши дни играет большую роль, освещая, объясняя события и развешивая их во всей полноте.

Драгоценное свойство для газеты — жесткость, в ее отходе не следует смешивать с легкомыслием. Даже в суровое время не следует омрачать жизненный фон, попергать людей в мрачное настроение. Надо беречь читателя, явля, как велико значение жизнеспособного человека и его жизнелюбия.

Не было, нет и впереди не будет в мире чего либо скучнее советских газет. Не говоря уже о марксистско-ленинском подходе, обязательно даже в статьях на тему о социальном налоге, стиль советской газеты и форма ее изложения так невероятно смелы, что требуется большое усилие, равное подвигу, чтобы прочитать ее хотя бы наполовину. А ведь главный закон для газеты гласит: все написанное имеет прежде всего одну цель — быть прочтанным!

Газета влетает в дом порой, как бомба, и ее разрывы бывают неожиданными. Все ждут ее, она приносит внезапность, удар по сердцу, радость и ошарашивания. Сколько нежности, интереса, сколько заинтересованных лиц! В наше время годовокружательного темпа и величайших событий, материал для газеты огромен и важен. Русская газета теперь говорит только правду и разоблачает советскую ложь, в этом она так и ценна для русского человека, любящего свою газету и верящего ее идею и ее правдивым сообщениям. Но в старые времена было иначе. Если не было новостей — их выдумывали, вот катастроф и происшествий — их сочиняли. «Самые интересные новости это те, которые выдумывают», — говорил редактор в одном из фельетонов покойного В. М. Дорошевича. Если потом придется опровергнуть, — ничего, публике это только доставит удовольствие.

Писатель Куприн, о котором недавно писали в нашей газете, по поводу пятилетия со дня его смерти, было одно время репортером в Китае, в ту пору, когда жизнь там тихо и мирно. Никаких происшествий не было, а газета требовала материала. И вот Куприн ночью отыскал «эдакую, оттоптанную на середине Днепра, а потом появившуюся в газете его заметка под заглавием: «До каких пор будет продолжаться подобное безобразие?»

Есть любопытный сборник «Газета в старой России». В нем приведен юмористический рассказ Чехова «Для газетчика». Сотрудник газеты Рыбкин, тусклый человек, решает покончить с собой. Но как раз в этот момент к нему входит его приятель — сотрудник другой газеты, по фамилии Шлепки. Рыбкин жалуется, что ему все надоело: обо всем уже написано, все перебрали и ничего не осталось: «Наплевать мне!» Шлепки с ним не согласен. У него такая натура, что он и про выеденное яйцо написать может. Но вдохновенные речи Шлепкина не убедили его коллегу. Рыбкин накинул себе петлю на шею и с удовольствием повесился. Тотчас же Шлепкин сел за стол и в один миг написал заметку о самоубийстве, затем некролог Рыбкина, потом фельетон по поводу частых самоубийств, наконец, передовую об усилении кары, возмущающей по самоубийц и еще несколько других статей на ту же тему. Все это он положил в карман и весело побежал в редакцию, где его ждали меда, слава и читатели.

Здесь Чехов с присущей ему яркостью обличает эту способность и главное готовность прежних журналистов писать везде и обо всем. Но всегда были и есть и серьезные журналисты и почтенные газеты. Чистота, порядочность и честность всегда жили в сердцах и делах русской печати. Это ее заслуга и право на доброе воспоминание.

Наша газета «За Родину» празднует годовщину своего рождения. Для газеты год — уже возраст. В эту пору зрелости уже установился характер, черты лица приобрели определенность, окреп голос, прояснены пути и создано знание того, что сделано. Газета приобрела много истинных друзей и не может пожаловаться на одиночество, на недостаток откликов и сочувствия.